

УДК 159.922

**ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ
В БЛИЗОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ С ПОЗИЦИЙ ГЕШТАЛЬТ-ПОДХОДА***

*Н.В. ФУРМАНОВА, кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры прикладной психологии Белорусского государственного
педагогического университета имени Максима Танка*

В статье рассматривается динамика формирования и реализация потребности в близости на различных стадиях психосоциального развития с позиций гештальт-подхода. Делается вывод, что близость отличается длительностью, в которой обязателен процесс узнавания и взаимоисследования, а в дальнейшем обмена и изменения.

Ключевые слова: привязанность, потребность в близости, стадии психосоциального развития

**FORMING AND REALIZATION OF NEED INTIMACY
AT VARIOUS STAGES OF PSYCHOSOCIAL DEVELOPMENT
FROM GESTALT-APPROACH POSITIONS**

N.V. FOURMANOVA, PhD in Psychology, senior lecturer

In article dynamics of forming and realisation of need intimacy at various stages of psychosocial development from Gestalt-approach positions is considered. The conclusion becomes that the affinity differs duration in which process of a cognizance and interexamination, and further an exchange and change is obligatory.

Keywords: attachment, need intimacy, a stage of psychosocial development

Знаменитый этолог, теоретик привязанности, Дж. Боулби в качестве основного фактора, обеспечивающего человеку способность к установлению длительных эмоциональных связей уже во взрослом возрасте, выделяет способность матери устанавливать и поддерживать привязанность к маленькому ребенку. Он отмечает, что простая привязанность к матери является, вероятно, инстинктом, который в дальнейшем может быть рассмотрен как потребность в обществе [1, 2].

Потребность в близком контакте, которая длительное время игнорировалась в психоанализе и подменялась скорее теорией влечения с соответствующими зонами катексиса, призна-

ется даже Г. Салливаном. Он, в частности, пишет, что единственная потребность, не имеющая физико-химического источника, которая в период раннего детства уже заметна, а немного позднее становится вполне очевидной, – это потребность в контакте [3].

В теории межличностных отношений близость является одной из основных детерминант аттракции и возникновения приятельных отношений, предполагая, прежде всего, длительность и взаимную эмпатию. Как психологическое понятие широко используется в работах Э. Эриксона, который рассматривает близость, как способность одного человека заботиться о другом, делиться с ним всем существенным

* Статья поступила в редакцию 23 октября 2013 года.

без боязни потерять при этом себя. Поэтому в связи с интересом к проблемам динамики и феноменологии близости нам кажется полезным обратиться к идеям Э. Эриксона о генезисе и эпигенетической последовательности смены психосоциальных стадий развития [4].

Во взрослом возрасте развитие зависит от разрешения проблем предшествующих периодов – обретения доверия и автономии, инициативы и трудолюбия, близости и Эго-идентичности. Наше представление о себе во многом основывается на взаимоотношениях с другими людьми: с друзьями, любимыми, родителями, детьми, коллегами. Отдельные личности и их поведение вписываются в определенную систему ролей, обуславливая устойчивость и функционирование тесной системы в целом. Как потеря, так и отсутствие социальных взаимоотношений влияют на наше самовосприятие.

По этой причине наша исследовательская задача состоит в определении детерминант развития в детском и подростковом возрасте и их влияния на реализацию потребности в близости у взрослых людей. Нам кажется интересным проследить возможную зависимость формирования близости от неудовлетворения ведущих, базовых потребностей индивида. И в этом смысле нам близки идеи К. Левина, который полагал, что потребности человека не носят ни врожденного, ни биологического характера, а в значительной степени детерминируются социальными факторами [5].

Убежденность в том, что источником человеческого поведения является потребность, К. Левин неминуемо пришел к проблеме необходимости ее удовлетворения. Ведь в самом понятии «потребность» уже заложено понятие нужды в чем-то. Феномен возвращения к прерванному действию и лучшего воспроизведения незавершенных действий послужил К. Левину доказательством того, что для природы человеческих психических процессов существенным является их динамика, возникающая в данной ситуации. Понятие возникающей в данный момент квазипотребности как детерминанты человеческого поведения выдвинуло две проблемы: 1) проблему удовлетворения потребности; 2) проблему психологической ситуации – поля. Квазипотребность, подменяя «истинную» потребность, оставляет свой след в жизни индивида в качестве нереализованного намерения, и стремления к разрядке напряжен-

ной динамической системы через отреагирование и/или диффузию. К. Левин предпочитал говорить о действиях и поступках, побуждаемых квазипотребностями, так как именно они и являются динамическими детерминантами активности еще и потому, что они иерархически связаны с истинными потребностями (по терминологии К. Левина, между обоими видами потребностей существует коммуникация).

С нашей точки зрения, особенно полезно более подробное рассмотрение первых пяти стадий психосоциального развития, так как именно они, по мнению Э. Эриксона, являются формирующими для реализации в детстве полноценных близких отношений.

Первая стадия психосоциального развития длится *от рождения до года*. Главной ее задачей является обретение *безопасности* и *доверия* к миру. Какова бы ни была природа потребностей, она всегда проявляется в поле «организм – среда». С точки зрения теории поля потребность у годовалого ребенка в основном представлена отношениями «мать – дитя». Сознательная себя и ребенка мать имеет возможность эмпатически понимать его, воспринимать его чаяния и нужды. Она руководствуется одновременно физиологическими и психологическими потребностями своего ребенка, любит его и является первым значимым взрослым, с которым у ребенка возникает тесная эмоциональная связь. Если младенец чувствует себя защищенным, он развивает свой потенциал и свой контакт с миром, расширяя рамки собственного опыта. Однако, по всей видимости, запечатление ранних отношений в качестве идеального образца, а также способ удовлетворения (а, возможно, и способ недо- и неудовлетворения) потребности в близости с матерью, остается у него на долгие годы зоной дополнительного напряжения и существования соответствующей квазипотребности. Например, как дополнительная потребность в перепроверке безопасности среды, в которой всегда обнаруживается потенциальная недостаточность, враждебность, и которая всегда будет вызывать недоверие.

Вероятно, представители теории научения объяснили бы нам привязанность с точки зрения эффекта импринтинга (следования за первым объектом), а психоаналитики – либидозного влечения и объектных отношений. Однако, несмотря на зависимое положение,

отношения «мать-дитя» все же организуются по принципу взаимодействия. В одно и то же время мать удовлетворяет потребности ребенка и сама является удовлетворенной. В то же время любовь и забота матери помогают ему воспринять, что он есть, поддерживая процесс дифференциации и развития его индивидуальности. Его ранний опыт связи с матерью, а затем и с ближайшим окружением, дает возможность первоначального развития и дальнейшего воспроизведения данных отношений с другими людьми уже во взрослом возрасте. Следует отметить, что ранняя привязанность скорее «обнаруживается» в принадлежности, чем в близости, а так же в обеспечении безопасности в зависимых отношениях. Однако, своеобразной «базой» для обеспечения во взрослом возрасте способности к близости является, как нам кажется, приобретение базового доверия к миру, который может быть потенциально расположенным к ребенку, дающим ему надежду на дальнейшее его исследование.

Следуя данной логике, а именно опираясь на феноменологию ранних отношений «мать-дитя», ценность их отношений может быть рассмотрена с позиции *интереса* и *любопытства* (если не любви!) матери к младенцу: а именно любопытства к процессам его роста и соответствующим потребностям. Видимо, поэтому мамы, имеющие маленьких детей, так много говорят о них с другими людьми. Но кроме любопытства материнские чувства часто наполнены *очарованием* в отношении маленького существа. Это очарование может быть обращено как на телесность ребенка, прекраснее которого никого нет, так и на его первичные навыки. Предметом особой гордости становится способность малыша научиться раньше других сверстников ходить, говорить и т.д. Это материнское очарование является, возможно, первоначальной проекцией на ребенка тех грандиозных черт идеализированной личности, которые ему в дальнейшем придется каким-то образом оправдывать в отношениях с другими людьми.

Психоаналитическая теория предлагает для объяснения подобного феномена описание нарциссически организованной личности, характеризующейся прежде всего ранним разрывом установленных близких отношений со значимым взрослым (прежде всего с матерью) и его эмоциональной отверженности. Патологическая ненасыщаемость такой личности скорее

компенсируется постоянной потребностью в достижениях и перфекционизме с сопутствующими идеями идеализации и обесценивания.

Еще одна яркая особенность такого рода людей – механизм опережающего отвержения. Это происходит по причине того, что в опыте их жизни формируется идея любых близких отношений, как потенциально опасных и травматичных. Поэтому они склонны психологически дистанцироваться от других еще до установления «опасной близости». Во взрослых отношениях скорее проигрывается незавершенная ситуация раннего детства: потребность и невозможность интегрировать в себе и партнере две противоположные полярности: *грандиозную*, достойную бесконечного восхищения, и *обесцененную*, достойную лишь разочарования и отвержения. Отношения индивидов подобного рода скорее насыщены бесконечным поиском идеальных партнеров и идеальных отношений с ярко выраженным сохранением безопасной дистанции, что потенциально могло бы удовлетворить и насытить «нарциссический голод» с сохранением тенденции к разрушению и обесцениванию идеального объекта. Именно объекта, так как первоначальное любопытство к другому, *иному*, характеризующее нормальный контакт, и подчеркивающее, что в другом есть нечто, чего нет у меня, здесь полностью отсутствует. Есть лишь спроецированная фантазия, что другой обладает благами, которых у меня нет, но которыми можно потенциально насытиться и компенсировать недостающие качества, чувства и характеристики. Примером может служить дружба или супружеские отношения, основным мотивом которых является повышение статусного положения. Например, красивая молоденькая женщина рядом с богатым мужчиной, который намного старше ее, будут хорошим дополнением и компенсацией их общих недостающих частей.

В связи с этим К. Кохут связывал нарушение в процессе организации близких отношений с трудностями в разрешении нормальных потребностей в *идеализации* и *деидеализации* [6]. О. Кернберг – скорее с ранними нарушениями в развитии и организацией примитивных защит, которые отличаются от нормы скорее качественно, чем по степени выраженности [7].

В частности наша практика гештальт-терапии свидетельствует, что у взрослых со сложностями прохождения стадии «доверия-недоверия»

наблюдаются специфические ограничения в установлении близких отношений. В терапевтических отношениях существенные нарушения наблюдаются на фазе *преконтакта*: потребность в узнавании подменяется потребностью в обладании. Энергия любопытства, необходимая для приближения к желаемому и дифференциации самого процесса контакта, тратится на удовлетворение квазипотребности – дополнительной проекции, спасающей от узнавания разности и многообразия отношений. Следовательно, каким является другой (например, терапевт), кроме того, каким я мечтаю (или опасуюсь!) его видеть, остается неизвестным. Любопытство заменяется восхищением и очарованием, главным образом, собственной проекцией, а процесс приближения со свойственным ему переживанием смущения – радостью обладания в фантазиях или в действительности.

Здесь нужно, пожалуй, сделать оговорку, что восхищение и очарование отнюдь не являются ни запретными эмоциями, ни признаками незрелости личности, которые вредят контакту сами по себе. Они достаточно хорошо сопровождают формирование идеальных образов как вовне (красивый пейзаж, прекрасная картина, обаятельный мужчина), так и внутри нас (хорошая мать, надежный друг, профессионал своего дела). Однако, способствуя созданию и восприятию идеальных фигур, очарование в дальнейшем не является достаточным переживанием для продолжения контакта, а тем более для формирования близости. Наверное, можно испытывать потенциальную близость с автором прекрасной симфонии, разделяя его взгляды через узнавание его творчества, но испытывать близость с музыкой невозможно. Хотя процесс очарования ею может быть вечен. Вероятно, бесконечность очарования исключает субъектность отношений и всегда предполагает недоступность самого объекта: музыку нельзя присвоить, ею можно лишь насладиться.

В дальнейшем объект очарования либо подвергается разрушению: делается плохим, недоступным восхищения, либо становится недоступным источником страдания. Реакцией на это страдание является зависть, провоцирующая на разрушение или захват того, кто является носителем идеальной проекции. Присвоение и поглощение, свойственное известному нам механизму интроекции (это должно быть моим, я должен этим обладать, оно должно соответство-

вать моим ожиданиям!) – искажают контакт и превращают его в бесконечный процесс предъявления претензий, то есть требований соответствия имеющимся проекциям.

Во взаимоотношения вмешиваются требования бесконечного восхищения, которое поддерживает самоуважение и укрепляет грандиозные тенденции. Обычная же обоюдность в человеческих отношениях переживается, как эксплуатация и захват. Проекция желания инкорпорации играет здесь злую шутку: я боюсь быть поглощенной тобой, хотя мечтаю поглотить тебя. Любое приближение и потенциальная возможность длительной близости заканчивается спасительным бегством и разрушением интимности контакта в пользу сохранения привычного расщепления в процессе формирования фигуры потребности на «хорошую» и «плохую».

В дальнейшем фрагментация и поляризация закрепляются, а ощущение «голода» усиливается из-за сохранения фигуры потребности в состоянии «боевой» невротической готовности. Возникает ситуация незавершенного действия: потребность в близости подменяется контактом с идеальной проекцией, идея существования которой вновь реабилитируется. Результатом искажения становится *страх слияния*.

В течение следующего периода развития (*от 1 до 3 лет*), главной задачей которого, по мнению Э. Эриксона, является первичная *автономия*, индивидуальность и способность к дифференциации возрастают, и, хотя потребность в связи с другими остается, природа отношений меняется, снижается степень зависимости, а степень взаимности возрастает. При этом близость не предполагает какой-либо фиксированной границы, а проявляет скорее способность к разнообразию установления отношений в континууме «принятие – отвержение». Первые попытки в установлении отношений «я – другой» ребенок совершает при удовлетворении *потребности в автономии*.

Стабильность материнской фигуры, безопасность среды и интерес к окружению толкают ребенка на реализацию исследовательских идей, появляется желание попробовать свои силы и понять границы дозволенного. Этот важный период обеспечивает ребенку веру в собственные силы и надежность отношений с матерью. Мать, обеспечивая ребенку стабильность и благонадежность, благословляет его на отношения

с другими и поддерживает его исследовательский интерес. Двигаясь по направлению к другим, ребенок впервые обнаруживает, что не весь мир однообразен и безопасен, не все готовы с радостью его принять, и к тому же есть еще и правила, необходимые для установления отношений. При благоприятном развитии он овладевает *свободным функционированием*, фактически первым интеракционным феноменом, как феноменом *контактной границы*, который относится к способности индивида быть связанным со своим окружением каким-либо творческим способом – для того, чтобы встретиться со своими потребностями, поддерживая в то же время связь с другими людьми и уважая их уникальность [8].

Компенсацией невозможности спонтанного действия и недостижимости гомеостатического равновесия могут являться зависимые отношения с характерным отсутствием дифференциации границ и фигуры потребности. «Отдельные Оно лишь через вхождение в действительность отношения могут стать Ты», – писал, предостерегая, М. Бубер [9].

В противном случае самые худшие опасения быть «поглощенным» другим оправдываются, а ответственность за «недостижимую» близость избегается. Возникает ситуация «управляющего и управляемого». Отныне ответственность за качество отношений и за реализацию идеи близости принадлежит *другому*. Однако *другим* он является лишь отчасти, так как в отношениях с ним признаются лишь сходства, а различия игнорируются. Желаемая идеальная проекция находит свое разрешение в механизме *слияния*, маскирующем отсутствие близости. Self больше не противостоит другому (другого больше попросту нет). Активность Эго-функции снижается, человек испытывает затруднения или оказывается неспособным выбрать адекватный способ поведения.

Способность действовать в неопределенных обстоятельствах, лишенных гарантии быть воспринятым достаточно «хорошим» и реализовать потребность единственно возможным «правильным» путем, теперь сталкивается с еще большим опасением – быть отвергнутым и вновь столкнуться с несовершенством мира. Функция Ид продолжает воспринимать внутренние импульсы, однако тревога не позволяет их адекватно дифференцировать, а энергия действия оказывается скованной тревожным ожиданием.

В подобной ситуации спонтанность действия рискует быть подмененной иным качеством – сомнением («Как бы чего не вышло!»), которое вновь направляется не на исследование разнообразия мира и не на создание безопасных условий реализации потребности в близости, а скорее на переживание собственного (или других) несовершенства и создание предсказуемой ситуации. М. Бубер отмечал, что тот, кто понимает чистое отношение, как зависимое, лишает действительности одного из носителей отношения и тем самым делает недействительным самое отношение [9]. Результатом искажения является *страх сепарации, отвержения*.

Следующие два периода, *от 3 до 6 и от 6 до 12 лет*, являются решающими, по мнению Э. Эриксона, в поддержании *инициативы, самостоятельности, трудолюбия и компетентности* в реализации идеи взаимодействия со средой. Окружение ребенка количественно и качественно изменяется. Появляются первые формы проявления близости, которые могут быть различными как по психологическому содержанию, так и по степени выраженности, эмоциональной насыщенности. Ребенок в этом возрасте способен выделять из своего окружения не только родных и близких, но и устанавливать отношения дружбы с другими детьми. Так, например, феномен внутригруппового фаворитизма (в детском саду, школе) также может быть рассмотрен в логике проявления близости.

Специфика взаимодействий ребенка с окружением связана еще и с одновременным присутствием обоих родителей. После длительного периода диадических отношений и при условии несостоятельности в сепарации от матери у него возникают существенные сложности в определении психологической дистанции и эмоционального предпочтения в отношениях с родителями. В отношениях с близкими людьми вторгается *ревность*. Если инициатива ребенка и попытка практическим путем исследовать границы и эмоциональное содержание этих отношений не поощряется, он чувствует себя обманутым, отвергнутым и виноватым. Чувство *вины* и собственной *беспомощности* продолжают окрашивать любой контакт ребенка и усиливают убеждение, что он недостаточно хорош для других. Проекция этой вины находит свое отражение в дальнейшем опыте близких отношений, внося ограничения в их подвижность. Во взрослом возрасте вина обедняет

и сужает «среду предпочтений», так как на других проецируется идея собственной неполноценности («Такие, как я, никому не нужны!»). Люди с подобными ограничениями, обращающиеся за психологической помощью, часто жалуются на *отсутствие* в отношениях *взаимности* (последние скорее строятся согласно ожиданиям, давлению и требованиям среды), одиночество, пустоту и скуку. На наш взгляд две вышеуказанные стадии при благоприятном развитии, обеспечивают индивиду поддерживающий фон, а так же способность дифференциации среды на предмет выделения из нее значимых предпочтений («Это то/ тот, кто мне нужен!»). Этого бывает достаточно для того, чтобы обеспечить полноту контакта при переживании близости. В противном случае энергия удовлетворения потребности *ретрофлексируется* и тратится на дополнительную перепроверку себя, других, разумности действия и правильности способа ее удовлетворения. Спонтанность, как свойство self, предназначенное для свободного формирования и разрушения фигуры, больше не проявляет себя в намерениях энергичного действия. Она подменяется лишь фоновой тревогой, толкающей человека на совершение импульсивного поступка любой ценой и в любом направлении – лишь бы достичь желаемого покоя. Возникает сомнение как в способности совершения действия, как и в направленности и способе его удовлетворения. Результатом нарушения творческого приспособления становится *некомпетентность*, *страх инициативы* («Я ни на что не гожусь!»), *страх оценки*.

Наиболее остро полярность «близость – отчуждение» проявляет себя в *подростковом (латентном) возрасте* (12–19 лет), центральной задачей которого становится обретение *Эго-идентичности*. В неформальных компаниях близость приобретает, как правило, формы приятельства и подлинной дружбы, а в семье – форму родственных отношений и любви. В этом возрасте особенно остро звучат темы полноценности, отдельности и одиночества, на фоне которых остро переживаются любые неудачи в установлении новых отношений со сверстниками и с противоположным полом. Особой ценностью становится способность оставаться собой, сохранять свою уникальность и неповторимость.

Если поле, в котором существует субъект, наполнено недоверием, тревогой и сомнением («Надо еще раз проверить, все ли сделано правильно»), а отношения со значимыми другими – чувством стыда, то желание иметь «идеальные близкие отношения» будет приводить его к попыткам контролировать как другого, так и собственные действия. Эта невротическая потребность, возникшая при «неудачном» прохождении двух начальных стадий, задачами которых является обретение базального доверия и автономии, усиливает переживание вины и собственной некомпетентности в достижении близких отношений со сверстниками и создает внутри индивида безопасную «тренировочную базу» для отношений с другими, носящую скорее характер бесконечных навязчивостей [10]. Желая просчитать последствия любых близких отношений, держа под контролем любопытство и находясь в конфликтных отношениях со значимым окружением, индивид *деперсонализирует* направленность потребности и *ретрофлексирует* само действие, так как чувствует себя всегда недостаточно подготовленным, а среду недостаточно безопасной для предъявления себя.

Сложности установления близких отношений детерминированы так же ранними отношениями с одним или обоими гиперопекающими родителями. Эти отношения организуют специфическое «поле сомнения» ребенка, превращая его в экран для устрашающих проекций. Недоверие к собственному опыту, как основной способ отношения к жизни впоследствии интроецируется, внешний контроль подменяется жестким самоконтролем. Функция выбора (Эго) блокируется наличием одновременного согласия и отказа действовать в направлении создания значимых отношений, подменяя их «как-бы-отношениями». Индивид, застревает между идентификацией и отвержением, фигура потребности формируется, а переход к ее реализации в действие не происходит. Человек концентрируется не на желаемой близости, а на сомнении в безопасности ее обнаружения, необходимости в предсказуемости контакта и подозрениях относительно его неидеальности. Имея в наличии подобную «подростковую» проблему, человек уже во взрослом возрасте проявляет себя зависимым не столько от конкретных отношений с конкретными реальными и символически

значимыми людьми, сколько обнаруживает тревогу отделения от главной усвоенной с детства идеи – еще раз перепроверить надежность и безопасность среды. В этом случае при наличии *фиксированных границ*, мы имеем *обсессивную* личность, сильный «характер» с фиксированными принципами и привычками, которая правильно живет согласно закону и порядку, принципам, гордости и предрассудкам. «Близость – это процесс, который нельзя проконтролировать, сделать должным, подчинить морали» [11]. Отсутствие эластичности границ исключает *континуум осознания*, в результате создаются дополнительные препятствия для сенсорных и моторных функций, прекращаются обмен и рост, нарушается процесс становления идентичности. Движение ни в сторону узнавания иного, нового, ни в сторону его отвержения не происходит. Появляются *страх самопредъявления, оценки и потери контроля*.

Главные проблемы, требующие своего решения во взрослой жизни – это достижение идентичности в противоположность смешению ролей и близости в противоположность изоляции. Э. Эриксон, например, исследуя процесс становления идентичности, пришел к выводу, что именно способность индивида к установлению адекватных ситуации форм близости с партнерами по взаимодействию является одним из главных проявлений качественной личностной идентичности в социальной жизни. При этом в критическом, с точки зрения формирования идентичности, *юношеском возрасте* (У Э. Эриксона он носит название возраста *ранней зрелости и длится от 20 до 25 лет*) взаимосвязь на уровне *идентичность–близость* носит двусторонний характер. Иными словами, на стадии психосоциального моратория близость является не только следствием, но и условием полноценного развития личности [12].

Отсутствие жестко фиксированных границ в отношениях с другими, а так же широкая вариативность разнообразных способов взаимодействия создают широкие возможности для творческого контакта. Особой проверке подвергаются ценности и установки родительской семьи, которые в качестве интроектов либо облегчают, либо ограничивают движение навстречу другим. Так усвоенный стыд социального происхождения, образования или финансового неблагополучия несет «печать» запрета на отношения

с теми, кто потенциально не соответствует ожиданиям, и значительно обедняет круг общения. Сохранение целостности личности при возможности отвержения того, что не подходит, оценивается как опасное, и при принятии того, что способствует взаимному обогащению, становится главной проверкой творческому приспособлению. Душевная теплота, понимание и доверие вступают в битву с остракизмом и изоляцией. Балансируя между отвержением и принятием и создавая «взаимовыгодные» отношения близости, молодые люди обнаруживают отсутствие вечных идеальных отношений, вечных ценностей и вечных рецептов. В результате опыт дает знание о том, что слияние и близость имеют разные характеристики. И, для того, чтобы встретиться, необходимо уйти. Появляется способность выдерживать напряжение приближения, окрашенное неопределенностью и смущением, и напряжение ухода с необходимой ассимиляцией опыта близости.

Построение отношений в логике идентификации и приязни при наличии «жестких» границ подменяются конфронтацией, отчуждением и межличностным противостоянием. Подобного рода нарушения приводят к организации эмоционального безразличия и полной изоляции в перспективе контакта. Неспособность устанавливать близкие доверительные отношения с людьми приводит к изоляции, чувству одиночества, невозможности принять ответственность за партнера и собственную жизнь. Главным нарушением становятся острое переживание *одиночества*, собственной *неполноценности, изоляция* и *отчаяние*.

Близость отличается длительностью, в которой обязателен процесс узнавания и взаимного исследования, а в дальнейшем обмена и изменения. Даже если вначале мы «контактируем» лишь частями собственных проекций, содержание которых в большей степени отражает наши ожидания в отношении другого, то со временем мы вынуждены «очищать» отношения от влияния на них наших внутренних идеальных фигур и расходовать силы на дифференциацию и взаимообмен тем, что имеем в действительности. Потребность в близости заставляет нас двигаться в сторону принятия приемлемого нового и отвержения неприемлемого нового [13]. Близость предполагает длительность узнавания, хотя и может переживаться как счастливое мгновение встречи и совпадения желаний.

Таким образом, оставляя отпечаток «мешающих» близости проекций, каждая из нерешенных (или недорешенных) задач возрастного развития имеет свою специфику ввиду феноменологических, культурных и филогенетических особенностей и представляет интерес для гештальт-терапевтической практики. Не меньший интерес, как нам кажется, могут представлять знания гештальт-терапевта о своей «истории близости», своих «темных комнатах души» и «скелетах в шкафу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М., 2003. – 477 с.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – М., 2004. – 237 с.
3. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии / Г.С. Салливан. СПб., М., 1999. – 374 с.
4. Эриксон Э. Детство и общество / Э.Эриксон. – М., 2000. – 312 с.
5. Левин К. Намерение, воля, потребность / К. Левин // Динамическая психология: Избр. труды. – М., 2001. – С. 122–164.
6. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут. М., 2003. – 568 с.
7. Кернберг О. Отношения любви / О. Кернберг. М., 2000. – 256 с.
8. Булюбаш И. Руководство по гештальт-терапии / И. Булюбаш. М., 2004. – 768 с.
9. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер. М., 1995. – 464 с.
10. Третьяк Л. Л. Гештальт-подход в терапии обсессивных расстройств // Гештальт-терапия в клинической практике. Метод. мат. к учебному курсу. М., 2006. – С. 43–49.
11. Калитиевская Е. Феномен близости / Е.Калитиевская // Сб. Московского Гештальт Института «Гештальт2007», <http://gestaltist.ru/content/doc/show.php?id=3498>
12. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб., 2000. – 992 с.
13. Perls L. Living at the Boundary / L. Perls // A Gestalt Journal Publication. 1992. – P. 129–135.